

Архиепископ Антоний (Храповицкий) и евреи

Максим Хижий | 30.09.2017

В начале XX в. революционная ситуация в России не могла обойти стороной один из самых острых вопросов социальной и национальной политики империи – еврейский. Активное участие евреев в протестном движении, с одной стороны, и еврейские погромы с участием правых радикалов (позднее черносотенцев), с другой, – все это вызывало острые споры в российском обществе о том, как относиться к евреям. Они – жертвы реакции или главные организаторы революции?

Российская православная церковь не осталась в стороне от этой общественной дискуссии. «Господствующая конфессия» была вовлечена в имперскую политику ассимиляции еврейского населения в предыдущее столетие, ее иерархам пришлось окормлять народившееся и поддержанное властями на первом этапе черносотенное движение, которое активно использовало в своей пропаганде элементы христианской антииудейской полемики. С конца XIX в. русское общество, по меткому определению историка А. Миллера, усваивает современный антисемитизм, который постепенно вытесняет привычную религиозную полемику с иудаизмом. Однако, одно дело – теологические дискуссии, а другое – кровопролитие в дни русского бунта, «бессмысленного и беспощадного».

Первым серьезным испытанием для церковной иерархии стал кишиневский погром 1903 г. Во-первых, по числу человеческих жертв – 50 убитых. Во-вторых, беспорядки в Кишиневе случились на православную Пасху. Последнее обстоятельство требовало решительной реакции духовенства на кровавые события. Ситуация усугублялась еще и тем, что общественное мнение в России и иностранные газеты стремительно откликнулись в своих публикациях на кишиневскую трагедию.

Наиболее трагически-яркий и правдивый рассказ о погроме – очерк выдающегося русского писателя В.Г. Короленко «Дом № 13», написанный им после июньской поездки в Кишинев. Автор обращает внимание не только на чудовищно антихристианское поведение толпы, но и обличает антиеврейскую мифологию, без которой погром был бы невозможен. Обвинение «жидов-ростовщиков» и эксплуататоров в лихоимстве – типичный пример современного антисемитского мифа. Очерк предназначался для газеты «Русские ведомости», но был запрещен цензурой. Однако он был тут же издан в типографии г. Штутгарта отдельной брошюрой на русском языке.

Спустя неделю после трагедии в официальной прессе появились сдержанные информационные заметки о погроме. Газеты сообщали лишь о «беспорядках», гибели нескольких евреев во время бесчинств в Бессарабии^[1]. Так как в Кишиневе избивание евреев случилось в дни величайшего православного праздника, то, наряду с позицией светской прессы, вызывает интерес реакция на трагедию в церковной печати.

Епархиальные издания в подавляющем большинстве молчат на своих страницах о Кишиневской трагедии. Официальные рупоры Святейшего Правительствующего Синода лишены редакционной самостоятельности. Епархиальные власти предпочитают не перепечатывать в обзорах прессы даже информацию из «Миссионерского обозрения». Однако некоторые из них реагируют на трагедию весьма своеобразно, размещая на своих страницах богословские проповеди о судьбе Богоизбранного еврейского народа. Так поступили «Рязанские епархиальные ведомости», опубликовав слово преподавателя Рязанской

семинарии к учащимся. Священник непривычно заострил внимание на исторических судьбах еврейского народа, обратив внимание не только на неприятие евреями Христа, но утверждая, что даже это роковое, с христианской точки зрения, событие не снимает особого попечения Господа о своем народе^[2]. Вероятно, это стало результатом знакомства с проповедью архиепископа Антония (Храповицкого), ранее ректора Казанской Духовной академии, пользовавшегося большим авторитетом у своих учеников, всей преподавательской корпорации.

Владыка Антоний (Храповицкий) откликнулся на трагедию в Кишиневе страстной проповедью «Слово в неделю св. жен-мироносиц» (она и послужила примером), произнеся ее в Житомирском соборе после литургии. Проповедь была издана отдельной брошюрой^[3]. Ни религиозные, ни социально-экономические поводы к беззаконию его в эти дни не интересовали. Главная причина преступления, по его мнению, – забвение Христа: «Не прощает Бог врагам народа Своего, даже и после его отвержения... Страшитесь обижать наследников обетования»^[4]. Владыка сочувствует еврейскому населению, громогласно заявляя с церковного амвона: «Позорные вести приходят о том..., что в Кишиневе происходило жестокое, бесчеловечное избиение несчастных евреев»^[5].

По всей видимости, имперские власти были обеспокоены последствиями погрома и опасались неуправляемой волны бесчинств. Поэтому антипогромная пропаганда была разрешена, хотя и в очень ограниченном виде. Архиепископ Антоний занимал Волынскую кафедру, наиболее тревожную, с точки зрения вероятности еврейских погромов. По его признанию, он произносил проповеди экспромтом, по велению души, но в этот раз власть решила распространить его слова, в качестве профилактики, по всей России.

В брошюре вместе со «Словом» архиепископа Антония был опубликован призыв к христианам о. Иоанна Кронштадского «Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями». Книжка издавалась даже на идише и распространялась среди еврейского населения. Однако в Кишиневе местные власти активно препятствовали распространению брошюры. Видимо, поэтому, книжка отдельным тиражом была издана и в Одессе.

В периодическую печать в России попало лишь упоминание о самом факте антипогромной проповеди; «слова» так и не были полностью опубликованы в светских газетах. Впрочем, обращение к христианам отца Иоанна Кронштадского разместило на своих страницах «Миссионерское обозрение». Еврейское население болезненно реагировало на замалчивание реакции на погром в российской печати. «Церковный вестник», журнал Санкт-Петербургской духовной академии, писал о том, что еврейские общины предупреждали местные газеты о своем отказе на подписку, если их редакции будут саботировать публикацию антипогромных слов владыки Антония (Храповицкого) и о. Иоанна.^[6]

Однако отношение к евреям у архиепископа Антония (Храповицкого) было сложным. С одной стороны, он был архиереем – «правилом веры и образом кротости» для своей паствы, а значит, должен был и веру защищать, и милосердие проповедовать. Волынский владыка происходил из знатного аристократического рода и унаследовал типичную для своей среды неприязнь к евреям, но вместе с тем и негативное отношение к убийству и насилию – уделу черни. Он отмечает в своих проповедях религиозную ревность иудеев, их библейские знания, соблюдение заповедей, нравственную жизнь. Однако в письме к Николаю Бердяеву, известному русскому мыслителю, философу, прямо пишет о том, что евреи – «племя в общественной жизни вредное – и в экономическом и в нравственном отношении».

Необходимо понимать, что столь противоречивое отношение к иудеям зависело у волынского епископа от конкретной ситуации: если речь шла о жертвах насилия, он их защищал, а погромщиков обвинял; если нужно было в пастве разжечь огонь религиозной ревности, он приводил в качестве примера верность иудеев заповедям, чтобы устыдить нерадивых

христиан; если темой проповеди становились гражданские права (для него «конституция» была ругательством в известную рифму) – он превращался в обличителя: «Но зачем там борются против еврейского полноправия, против вероисповедной свободы? Допустим на минуту, что это ошибка, минус на прекрасном здании народного дела, но за такой минус зачем же хулить самое дело? Ведь это все равно что г. Горький, в последних повестях устами своих героев отрицающий Христа только за то, что Он признавал Кесаря. Может ли одобрить Горького даже анархист, если он только признает нравственные ценности? Но возвратимся к «Союзу». Что общего между ненавистью и ограничением прав? Ведь одни права имеют дворяне, другие купцы, третьи крестьяне, одни права имеют магистры, другие кандидаты, третьи кадеты, четвертые семинаристы; одни права имеют русские, другие татары, третьи евреи. Можно возражать теоретически против современности, практической разумности того или иного распределения прав, но укорять в ненависти зачем? Если говорят об ограничении прав не по высшим мотивам защиты бедных малороссов от еврейских эксплуататоров, а по ненависти к последним, то это действительно скверно, а если патриоты евреев не ненавидят, а любят и жалеют, но не хотят давать рогов бодливой корове, то это разумно, справедливо и гуманно. Ведь вы же не толстовец? Не осуждаете ограничение прав преступникам?»^[7].

Разумеется, симпатии архиепископа Антония к «Союзу Русского Народа» на начальном этапе его существования отразились на его ближайшем окружении: выпуск «Почаевского листка» он доверил архимандриту Виталию (Максименко) и иеромонаху Илиодору (Труфанову). Иеромонах Илиодор (Труфанов) со страниц «Почаевских известий» призывал к изгнанию еврейского населения даже с территорий в пределах «черты оседлости»: «Люди, освобождайтесь от жидов!». Этот лозунг венчал самый скандальный номер газеты^[8]. «Листок» печально прославился своей черносотенной пропагандой, за которую волынскому епископу пришлось оправдываться перед обер-прокурором Синода В. Саблером: «Я обещал Вам, что “Почаевские известия” перестали дурить, но ошибся. Недолгое отсутствие о. Виталия из Лавры дало возможность о. Илиодору опять написать нелепости. Я объявил ему строгий выговор, обещал при новой бестактности устранить его от издания вовсе; все это прописал в резолюции, но конечно впечатления этим не сгладил»^[9]. Но архимандрита Виталия, как более умеренного, он продолжал защищать – не перед церковными властями, а перед Николаем Бердяевым: «Что делал о. Виталий? В 1906 г. обличал революционеров и удерживал народ от поджогов; в 1907 г. закупал в Сибири хлеб для голодавшей Волыни и тем понудил евреев не только прекратить быстро возраставшую нагонку цен на рожь, но и понизить цену на 18 коп. с пуда; в это же время все начали основывать союзные потребительные лавки и русские мастерские; в 1908 г. он взялся за переселенческое дело, нахлопотал союзникам земель в Забайкалье и Приамурье; еще раньше устроил в Почаеве юридическую консультацию по делам судебным, общества трезвости и проч.»^[10].

Впоследствии владыке пришлось оправдываться публично: «Никто не называет в числе моих важнейших интересов юдофобство... О евреях я говорил и отпечатал поучение в 1903 г. (против погромов), благодаря которому на Волыни не было в том году погромов, облетевших весь юго-западный край... когда я выезжал из Житомира в Петербург, начались драки с евреями, которые потом говорили, что правительство нарочно вызвало нашего архиерея в Петербург, потому что пока он в городе, то нас не били»^[11].

Справедливости ради, надо отметить, что архиепископ Антоний (Храповицкий) никогда публично не отрекался от своих слов против погромов и бесчеловечного насилия. Он говорил, что, лично для него, верующий иудей ближе русского атеиста. Отношение к евреям у него было исключительно религиозным, терпимым. Неприемлемыми для него оставались лишь революционеры и атеисты, какой бы национальности они ни были.

Мировоззрение архиепископа Антония складывалось не только под влиянием газетных новостей о революционных событиях начала XX в., но, в первую очередь, испытало влияние российской культуры того времени. Антиеврейские пассажи, к сожалению, были нормой

эпохи. Этим грешили И. Аксаков, Ф.М. Достоевский, А.И. Куприн, многие другие писатели и церковные авторы^[12].

Footnotes

- [1] Санкт-Петербургские ведомости. 24 апреля.1903.
- [2] Рязанские епархиальные ведомости. 1903. № 15.
- [3] *Архиепископ Антоний (Храповицкий)*. К Кишиневскому бедствию. Одесса, 1903.
- [4] Проповеди Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988. С. 104.
- [5] Там же. С. 103.
- [6] Церковный вестник. 1903. № 17.
- [7] Колокол. 1909. № 1045. 3 (16) сентября. С. 3.
- [8] РГИА. Ф. 1569. Оп.1. Д. 34. Л. 3.
- [9] Там же. Л. 3 (об).
- [10] Колокол. 1909. № 1045. 3 (16) сентября. С. 3
- [11] РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1202. Л. 29.
- [12] Так, просветитель Японии архиепископ-апостол Николай (Касаткин) полагал, что в организации погромов более повинны сами евреи. Он исходил из того, что враги России – японские газеты не могут писать правду о родине, если об этом не пишет российская пресса. Отчасти такую позицию объясняет участие в кампании по защите евреев Л.Н. Толстого: владыка Николай в своем дневнике называет его «злым псом, который не упускает возможности лаять на свое правительство и духовенство». РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1165. Л. 56.

Editorial remarks

Впервые опубликовано: Материалы XXIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Москва, 2017.